
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.161.1'373

Г.В. Судаков

ТИПОЛОГИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ГРУПП РУССКОГО ЯЗЫКА

Исследование посвящено выявлению разных типов лексико-семантических групп в одном языке. Прослеживается их эволюция на разных временных срезах, с XVI по XX век. Типологическое исследование впервые выполняется в рамках диахронной лингвистики, на материале одного языка, путем сопоставления разных групп, а также одной и той же группы в разных сферах употребления языка: литературно-письменной и диалектно-разговорной. В качестве материала избрана предметно-бытовая лексика, предварительно проанализированная в семантическом аспекте. Типологическое изучение разных групп лексики позволяет выявить способы пополнения словарного состава языка, тенденции развития лексико-фразеологических средств, особенности функционирования лексических групп в разных территориальных и функциональных разновидностях языка.

русский язык, история и эволюция языка, лексикология и фразеология, лексическая группа, лексическая типология, функциональный стиль, национальная ментальность, речевой этикет.

В последние десятилетия лексическая типология на материале славянских языков переживает новый этап своей активизации. Первый пришелся на 50–80-е годы XX века (работы А.Е. Супруна¹, Н.И. Толстого², Р.М. Цейтлин³ и др.), его направленность – поиски семантических параметров для типологического описания лексики славянских языков.

Второй этап, продолжающийся и сейчас, начался в девяностые годы XX века. Одно из направлений его развития – перенос опыта типологического исследования грамматических явлений на лексический уровень. Лексический состав родственных славянских языков с опорой на метод контекстного анализа лексических единиц изучается в школе Е.В. Рахилиной⁴. Несколько ее учеников защитили диссертации по проблемам типологии; работы этой группы представляют собой исследование принципов организации семантического поля, например, семантики глаголов, описывающих движение по круговой траектории, на материале 15 языков: русского, польского, сербского, испанского, английского, норвежского, валлийского, татарского, турецкого, коми-зырянского, калмыцкого, агульского, японского, китайского, хинди⁵.

Системное сопоставление лексики проводится и в русле современных этнолингвистических исследований. Особо отметим достижения школы С.М. Толстой⁶. Анализ

---

¹ Супрун А.Е. Лексическая типология славянских языков. Минск, 1983. 46 с.

² Толстой Н.И. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава // Толстой Н.И. Избранные труды : в 2 т. Т. 1 : Славянская лексикология и семасиология. М., 1997. С. 44–101 (первоначально: // Вопросы языкознания (ВЯ). 1963. № 1 ; 1966. № 5).

³ Цейтлин Р.М. Сравнительная лексикология славянских языков X/XI–XIV/XV веков. Проблемы и методы. М., 1996. 232 с.

⁴ Круглякова В.А., Рахилина Е.В. Глаголы вращения: лексическая типология // Труды междунар. конф. «Диалог 2010». М., 2010. С. 241–247 ; Рахилина Е.В., Резникова Т.И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2.

⁵ Например, Круглякова В.А. Семантика глаголов вращения в типологической перспективе : автореф. М., 2010. 24 с.

⁶ Толстая С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008. 527 с.

семантики производится с опорой на внутреннюю форму слова и его мотивационные связи, которые раскрываются путем сравнения комплекса значений лексемы в разных славянских языках.

Статистическое направление развивается в Воронежском университете (А.А. Кретов). Здесь изучается лексика одного и того же временного среза, причем часто не в двух, а более чем в десятке языков. Параметрическое ядро системы выделяется по четырем признакам: функциональному (употребительность), синтагматическому (широкая сочетаемость), эпидигматическому (многозначность), парадигматическому (вхождение в многочисленные синонимические ряды) ⁷.

В полном смысле лексическая типология – это исследование типов лексических сообществ, прежде всего лексико-семантических групп, в одном языке (русском) на разных временных срезах, например, XVI–XVII века и XVIII век. Типологическое изучение разных групп лексики позволяет выявить основные источники и способы пополнения словарного состава языка, тенденции развития лексико-фразеологических средств, особенности функционирования лексических групп в разных социальных средах, территориальных и функциональных разновидностях языка. Научная значимость решения проблемы состоит в возможности объективного доказательства системности лексики и универсальности принципов ее организации, независимо от исторического периода существования языка. Исследование имеет целью выявление типов лексико-семантических групп в одном языке и наблюдение за их эволюцией на разных временных срезах, с XVI по XX век. Принципиальное отличие такого подхода состоит в том, что он выполняется: 1) в рамках диахронной лингвистики; 2) на материале одного языка; 3) путем сопоставления разных групп, а также одной и той же группы в разных сферах употребления языка – литературно-письменной и диалектно-разговорной. В результате определяется типология лексических групп русского языка, установлена степень их изменчивости, определены факторы и причины последней.

Охарактеризуем избранный нами для анализа сегмент русской лексики. Термин «предметно-бытовая лексика» определяет соответствующий слой словаря с двух точек зрения: 1) по отношению к определенной сфере человеческой жизни и деятельности, а именно к быту; 2) по отношению к другим группам лексики материальной культуры и быта, обозначающим не предметы, а действия, процессы, качества, состояния и т.п. По частеречной принадлежности это будут имена существительные.

В группах данной лексики ⁸ есть несколько общих качеств – своеобразных универсалий, но проявляющихся в зависимости от специфики группы в разной мере: 1) отнесенность к этнографическим названиям; 2) близость к народной терминологии; 3) указание на функцию или внешний признак предмета как основа семантики слова; 4) преимущественная моносемантичность предметных слов и слабая развитость синонимии, что усиливает их денотативную прикрепленность; 5) семантическая зависимость элементов лексической группы от количественной наполняемости группы; 6) одинаковые цепочки семантической деривации у большинства названий в каждой группе; 7) похожесть внутренней структуры каждой группы; 8) влияние генетического фактора на степень семантической связанности лексем; 9) активное использование контекста в прояснении значения слова для воспринимающего субъекта.

Вначале охарактеризуем эти общие свойства старорусской лексики.

1. Изучаемая лексика относится к этнографическим названиям, «этнографизмы – это слова, обозначающие предметы и понятия, связанные с особенностями быта, материальной и духовной культуры данного народа, народности или местности» ⁹, различаются общеязыковые этнографизмы и этнографические диалектизмы.

2. Иногда бытовую лексику сближают с народной терминологией, то есть терминами различных ремесел и отдельных видов производственной деятельности сельского населения. Основанием для такого сближения служат однозначность части бытовых слов, их связанность с определенным ремеслом или хозяйственной деятельностью, стилистическая нейтральность.

---

⁷ Проблемы лексико-семантической типологии : сб. науч. тр. / под ред. А.А. Кретова. Воронеж, 2011. Вып. 1. 300 с. ; Проблемы количественной лексикологии славянских языков / А.А. Кретов [и др.] // Вопросы языкознания. 2011. № 1. С. 52–65.

⁸ О трудностях распределения слов по лексико-семантическим группам (ЛСГ) применительно к историческому материалу см.: Шмелев Д.И. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М., 1973. С. 20. Систему ЛСГ мы рассматриваем в соответствии с концепцией Ф.П. Филина. См.: Филин Ф.П. Очерки по теории языкознания. М., 1982. С. 238.

⁹ Этерлей Е.Н. Об этнографизмах и их месте в диалектном словаре // Диалектная лексика : сб. ст. Л., 1976. С. 16.

Наблюдается в бытовой лексике и специализация значения слова, то есть сужение его семантики, которое выражается в ограничении сочетаемости слова в определенном значении, а также в случаях переноса значения по общности признаков, когда исходное значение целиком включает в себя все признаки нового значения. Следует указать и на «встречные» качества народного термина, сближающие его с бытовым словом: он выполняет лишь номинативную функцию, часто представляет собою «не особое слово, а только слово в особой функции»¹⁰, имеет дублиеты и варианты. Специальное значение часто становится основой для создания термина¹¹.

Однако можно говорить о терминологичности лишь отдельных групп предметно-бытовой лексики, в целом же она, в отличие от терминов, является принадлежностью речи всего коллектива, а не профессионально ограниченной группы лиц, характеризуется наличием синонимов, многозначностью и жанрово-стилевым расслоением.

3. Особенность характеристики предмета древнерусским писцом – подчеркивание его особого признака. Учитывая разнообразие бытовых реалий и иных предметов материальной культуры, множественность их наименований на огромных российских территориях, древнему русичу в интересах общения с жителями других областей приходилось выбирать такие номинативные единицы, в которых легко вычленился мотивировочный признак или достаточно точно назывался характерный признак предмета: *дровяник, книгохранильница, портомойня, столовая – горница столовая, изба кожаная, сарай кирпичной, камидейная полата*.

В объем лексического значения конкретно-предметных слов входят в большей или меньшей степени два показателя конкретных свойств реалии: функция или назначение и особенности внешнего вида.

Следует различать слова, обозначающие реалии со строго фиксированной функцией, и названия предметов многофункционального назначения. У первых в основе лексического значения лежит именно указание на функцию обозначаемого предмета, к таким словам относится следующее утверждение Д.Н. Шмелева: «...названия предметов, созданных человеком, функционально ориентированы в семантическом отношении. Функциональный элемент является, по-видимому, неотъемлемым элементом их семантической организации... Функциональное назначение предмета, действительно, часто представляет собой тот элемент в семантике слова, который наиболее устойчив исторически»¹². Мотивирующим признаком подобных слов иногда является название содержимого (*перечница* 'сосуд для молотого перца', *солонка* 'небольшой сосуд для соли, подаваемый к столу'), процесса, выполняемого с помощью предмета (*рукомойник* 'небольшой висячий сосуд для умывания'), указание на предназначенность для использования в определенных условиях (названия одежды *летник, холодник*) и т.п.

В период Московской Руси кодифицирующая роль московского приказного делопроизводства проявлялась в том, что, используя в имущественных росписях название какой-то хозяйственной реалии, писец, не уверенный, во-первых, в общерусском характере слова, во-вторых, в знании читателем хозяйственной полезности того или иного предмета, во избежание непонимания, двусмысленности старательно описывал функцию, предназначение предмета, помогая читателю правильно идентифицировать упоминаемую вещь. Именно функция считалась определяющим признаком предмета, сделанного человеком для своих нужд. Подобная практика способствовала включению функционального компонента в семантическую структуру слова. Вот показательные примеры такого рода (иллюстрации передаются средствами современной графики): *да на твои, великого государя, большие товарные весы важня... а важня, государь, учинена для тово, что они товары на том дворе весили... на том же дворе сарай, где соль кладут* (1663 г., роспись построек, Псков – Рус.-швед. отн., 226); *поставлена швальня шьют на братью всякое брацкое платье* (1684 г. опись С.-Прил. м. – ВОКМ, № 2163, л. 198).

Дополнительно заметим, что указание на род занятий, на выполняемую работу часто выступало мотивирующим признаком для номинации лица по профессии, что подчеркивает социальную значимость этого качества в оценке личности древним русичем: *Жил в дворе поварок Шестюнка ести варил и хлебы пекъ; нанели дрововоза Нечку Росиху из ысад к варнице дров придвигати; розгребалицикомъ дали семь алтын розгребали в поле навоз, наимовали возжелников возити навоз в поле* (1607 г., Тотьма, кн. пр.-расх. – ГАВО, ф. 512, оп. 1. № 6, л. 49, 49 об., 142 об.); *дано рукавишнику слобожанину Федру от исподок от вязаня пят алтнъ* (1622 г., кн. пр.-расх. арх.

¹⁰ Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды Московского института истории, философии и литературы. Филологический факультет. Т. V : сб. ст. по языковедению. М., 1939. С. 14.

¹¹ Кутина Л.Л. Формирование языка русской науки. Л., 1964. С. 205.

¹² Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М., 1973. С. 234–235.

– ГАВО, ф. 883, № 12, л. 170 об); *наимовал бороноволокоть паренину боронити и навоз вываживат осмерым вываживалником дал б ал 4 де* (1663 г., пр.-расх. кн., Вологод. у. – ВОКМ, № 2284/4131, л. 9 об).

В содержании лексического значения может быть учтено несколько особенностей внешнего вида реалий, это слова с комбинаторной семантикой¹³, к ним относятся, например, названия отдельных разновидностей предметов по особенностям внешнего вида: материалу, форме, окраске, характерным деталям и т.п. (см. старорусские названия разновидностей ковшей: *лебедь* 'ковш в форме плывущей птицы', *кленовик* 'ковш из древесины клена', *колюх* 'ковш с ручкой в виде головы коня с изогнутой шеей', *скобкарь* 'ковш с двумя ручками-скобками' и др.).

Часто функционально однотипные реалии имеют разные названия благодаря специфическим особенностям внешнего вида; поэтому вторым классифицирующим признаком названий посуды и домашней утвари должна быть отраженная в словах связь с такими внешними признаками предмета, как «материал», «размер и форма», «наличие дополнительных деталей: крышки, ручки, носика и т.п.». Таким образом, первое членение названий бытовой утвари производится с учетом функционального признака, а последующие – на основе трех признаков: функции предмета, материала и технологии изготовления. Выделим две группы названий. В первую входят наименования посуды для пищи, объединяющие названия: а) столовой посуды для первых и вторых блюд, для сладостей и специй; б) столовой посуды для напитков; в) кухонной «поваренной» посуды (для приготовления горячей пищи, для винокурения, для хлебопечения, для доения коров, для хранения молока и молочных продуктов, для черпания) и названия погребной посуды для столовых запасов. Во вторую группу включаем названия вместилищ для хранения домашних вещей: а) плетеных вместилищ; б) вместилищ из кожи и ткани; в) деревянной и металлической утвари. В ряде случаев выделенные объединения составляют лексико-семантические группы, в других необходима более дробная классификация. Разумеется, полного, без остатка, распределения слов по рубрикам быть не может, а некоторые наименования можно отнести к двум-трем группам. Причина – многофункциональность реалий, определяющая многозначность слов из-за изменчивости и вариативности внешнего вида реалий, а иногда и просто из-за неопределенности, размытости границ, отделяющих тип предметов от другого.

Конкретный референт и (или) его зрительный образ – основа семантики предметно-бытового слова. Особенно важно это учитывать при анализе, казалось бы, хорошо знакомых слов древнерусского или старорусского языка: реалия, ими обозначаемая, могла в старину иметь внешний облик, не совпадающий с современным представлением о предмете, и исследователя подстерегает опасность «осовременивания» значения слова, например, блюда до XVIII века были чаще деревянными или глиняными, бритвы в допетровскую эпоху были только ручными и напоминали складной нож (см. археологические показания на этот счет¹⁴ и рисунки упомянутых реалий в «Букваре» К. Истомина 1694 года).

В основу классификации лексики одежды могут быть положены два основных и несколько второстепенных признаков. В зависимости от пола носителей одежды все названия делятся на три группы: названия общей одежды, названия мужской и названия женской одежды. В зависимости от порядка надевания и наличия в одежде подкладки названия членятся также на три группы: названия исподней (нательной) одежды, названия первой верхней и названия второй верхней одежды. Внутри названий первой верхней одежды по признаку «длина» противопоставляются названия длиннополной одежды и короткого платья. В группе названий второй верхней одежды по признаку «материал» обособляются слова, обозначающие меховую и кожаную одежду.

4. Следует отметить преимущественную моносемантичность предметных слов и слабую развитость синонимии, что усиливает их денотативную прикрепленность, отсюда предложенное для них Д.Н. Шмелевым условное название *денотативы*¹⁵. При наличии у слова нескольких значений его денотативная прикрепленность слабеет. Такое слово легче вступает в связи с членами других лексико-семантических групп. Кроме того, в предметно-бытовой лексике в силу ее преимущественно разговорного характера развита диффузность или синкретизм значений. Нечеткость смысловых границ предметно-бытовых слов с конкретным значением может быть обусловлена размытостью границ денотатов (о размытости как общем свойстве денотативных

¹³ Сороколетов Ф.П. Лексическое значение и словарная дефиниция // Исследования по исторической семантике. Калининград, 1980. С. 8.

¹⁴ Колчин Б.А. Новгородские древности. Деревянные изделия. М., 1968. 183 с.

¹⁵ Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. С. 150.

границ смотрите в работе, посвященной описанию психолингвистического эксперимента с названиями разного рода сосудов для питья¹⁶).

В языке донационального периода часты случаи, когда совокупность функционально близких реалий и группа соответствующих им слов взаимозависимы, то есть каждая из близких по своим свойствам, прежде всего по функциям, реалий может быть названа любым словом из соответствующей лексико-семантической группы: *блюдо – тарелка – миска – ставец, коробка – ларец – скриня – скринка – шкатула – шкатулка* и т.д., например: «всего больша шахъ Аббасъ любил *шкатулы*, а говорил: лучше де и вина *сундуки*. У них в обычае ведетца все у них зовут *сандаками*» (Посольство Тюфякина, 1599 г., с. 438); «на Москве де Аббас шах тот *сундучек* со всем велел отдати послу Урусамбеку. А Урусамбеку де тот *ковчежец* нести к государеву отцу, святейшему патриарху» (XVII в., Документ. Сказание – ТОДРЛ–XXVII, с. 382); «в прежних переписных книгах написана та шкатунка скринка подорожная, неболшая, с посудою оловяною столовою» (1690 г. – РИБ – 8, с. 1039). Как видим, ряд слов *сундучок – скриня – шкатула – ковчежец* свободно замещают друг друга в русских текстах XVI–XVII веков, сюда можно добавить лексемы *ларец* и *коробка*. В старорусском языке аналогичные отношения были между словами *блюде – тарелка – миска – ставчик*.

В зарубежной лингвистике употребляется близкое по смыслу к нашему термину «тематическая группа» понятие *фрейм*, то есть «набор слов, каждое из которых обозначает определенную часть или аспект некоторого концептуального или акционального целого»¹⁷. Внутри фрейма выделяются семантические микроструктуры, объединенные по принципам таксономии (родовидовая связь), парадигмы (семантическая связь), контрастивного множества (антонимы) и т.д. Учитываются особенности семантической организации таких типов структур, как цикл (утро – день – вечер – ночь), цепочка (воинские звания в иерархическом порядке), сеть (термины родства) и др. Изучение и описание структур в этом направлении может способствовать выявлению конечного списка их типов и развитию типологических исследований в лексикологии.

5. При семасиологической оценке лексических групп требует обсуждения вопрос о факторах, усиливающих или ослабляющих лексико-семантические связи в парадигмах, поскольку степень связанности слов в разных группах неодинакова. Малочисленные группы имеют более тесные семантические связи и более стройные отношения между членами, примером такого объединения является группа названий футляров в старорусском языке. Названия футляров, то есть вместилищ, основной функцией которых является предохранение предмета от повреждений при перевозке и хранении, были образованы от глаголов, указывающих на процесс укрытия чего-либо (*влагалище* – от *влагати*), от существительных – названий укрываемых предметов (*игольник* – от *игольный, игла*), употреблялось и иноязычное заимствование *чехол*, не имеющее мотивации в русском языке. Обобщенность семантики слова *влагалище*, не всегда преодолеваемая в конкретном контексте, была причиной появления сходных названий *лагалище* (с 1595 г.) и *нагалище*

(с 1626 г.) с более определенным значением 'футляр', например: «20 очки с нагалищи, 20 портищ нашивок» (Кн. там. Тихвин. мон., 1626 г., № 3, л. 3 об. – КДРС). *Лагалище* употреблялось редко, в XVIII веке на убыль идет и употребление слова *нагалище*, оно становится диалектизмом и обозначает чехлы для колющих и режущих орудий в сибирских и архангельских говорах (СРНГ – 19, с. 194). Сужение и специализация значения характеризуют эволюцию слова *готовальня*, заимствованного из польского языка и семантически переосмысленного, ср. польск. *gotowalnia* 'туалет с разными предметами' (ЭСРЯ – 4, с. 151), в старорусском *готовальня* – 'ящичек, футляр для разных предметов, туалетных принадлежностей или инструментов' (СлРЯ XI–XVII вв. – 4, с. 109), известны также однокоренные образования *готоваленка* и *готовалка* с тем же значением. В языке XIX века *готовальня* имеет значение 'баул, сумка для карманных приборов, например чертежная готовальня' (Даль – I, с. 388), позднее закрепляется в значении 'набор чертежных инструментов' (МАС – I, с. 399). От наименований предметов, хранимых в футлярах, возникли слова *лжичен* – от *лжица* и *ложечник* – от *ложка* (СлРЯ XI–XVII вв. – 8, с. 229, 273). Однокоренные названия футляров для игл: *игольница* (с 1607 г.), *игольник* (с 1641 г.), *наигольник* (с 1647 г.) и *игольня* (с 1677 г.) – были распределены территориально: *игольница* – западное и северо-западное, *игольня* – смоленское, *наигольник* – сибирское, *игольник* – общерусское, см. примеры первых письменных фиксаций: «игольница жило ноженица» (1607 г., Псков – Фенне, с.

¹⁶ Лабов У. Структура денотативных значений // Новое в зарубежной лингвистике. Проблемы и методы лексикографии. М., 1983. Вып. 14. С. 133–176.

¹⁷ Филлмор Ч.Дж. Об организации семантической информации в словаре // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV : Проблемы и методы лексикографии. М., 1983. С. 49.

104); «сто игольников кожаных» (1641 г. – КДРС); «могилевской мещанин Семен Андреев явил... 14 иголен, 10 кушаков» (1677 г. – Рус.-бел. связи, с. 198). Смотрите также описание старорусских футляров для игл, найденных при археологических раскопках на Русском Севере¹⁸. Названия *игольник*, *игольница* дошли до наших дней (МАС – 2, с. 628). Во второй половине XVII века значение 'футляр из дерева или ткани' фиксируется у слова *чехол*: «он сделал к митрополической лучшей шапке къ деревянному чохлу плащ с концом» (Кн. расх. Никона – I, 1651 г.). В московских источниках обнаружены наименования *шапочник* 'футляр для шапок' и *монастырек* 'футляр для столовых приборов и гигиенических принадлежностей'. Специализированное родовое название *футляр* появляется лишь в национальный период. Группа старорусских названий футляров имела все признаки системного лексико-семантического объединения: родовидовую иерархию (предельно общее название *влагалище*, родовые слова *лагалище* и *нагалище*, видовые наименования *готовальня*, *ложечник*, *игольник*, *шапочник*, *монастырек*), синонимические связи (*лагалище* – *нагалище*, *игольник* – *игольница* – *игольня*), дифференцированные по отношению друг к другу значения, специфический для данной группы набор мотивировочных признаков и словообразовательных моделей и т.д. Сравните также описания названий вместилищ индивидуального пользования для денег и ценных бумаг¹⁹.

6. Большинство названий в каждой группе имело одинаковую цепочку семантической деривации, например названия одежды: «материал» → «одежда» (*багрянница*, *рубашка*, *пониток*), названия вместилищ: «материал», «способ изготовления» → «вместилище» → «мерный сосуд» → «мера» (*дубь*, *пошевь*), причем у некоторых слов все эти значения могли быть представлены одновременно, с недостаточной дифференциацией, поэтому в бытовом словаре постоянно шел активный процесс дифференциации и спецификации семантики слов, ср.: в XVI веке *мешок* обозначало 'большое по объему вместилище из кожи, ткани, рогожи', *рогожа* – 'рогожное полотно; вместилище из рогожи'; в XVII–XVIII веках *мешок* имеет значение 'большое вместилище из холста'; *рогожа* – 'плетенное из мочала полотно', *куль* – 'вместилище из рогожи'.

7. Каждая выделенная лексическая группа имеет свой семантический центр, или «опорные слова» (по Ф.П. Филину), то есть наиболее употребительные лексемы с достаточно определенными значениями, богатые производными и особенно интенсивно влияющие на семантику и функционирование остальных названий. Часто роль центра в группе выполняет гнездо однокоренных слов, особенно распространенное. Например, в названиях плетеных вместилищ исконного происхождения выявлено с корнем *кош-* – около 10 слов; в названиях вместилищ для хранения домашней утвари, сделанных из дерева и металла, обнаружено 12 слов с корнем *-голов-* и 5 – с корнем *корен-*. В названиях вместилищ из кожи и ткани распространены слова с корнем *мех(ш)-*, *рогоз(ж)-* и др. Подобные слова часто были родовыми по отношению к названиям разновидностей определенной реалии.

Отмечается в группах и периферия, куда относятся редкие, архаические и экзотические слова, лексемы с диффузной семантикой, слова, входящие в группу по одному из своих значений.

8. Определенное влияние на степень семантической связанности лексем оказывал генетический фактор. В названиях мужской верхней одежды, где были элементы разного происхождения (ср.: *кафтан*, *армяк*, *абаб*, *чекмень*, *азям* – тюркские слова, *жулан* – арабизм, усвоенный из французского через западнославянское посредство, *кабат* – иранское, усвоенное через польское посредство, *бешмет* – татарское, *терлик*, *халат* – турецкое, *камзол* – из итальянского через немецкий, *мантиль* и *вамс* – из немецкого, *ливрея* – из французского, *вотол* и *плащ* – исконные образования и т.д.), отсутствуют семантические связи, охватывающие все слова этой группы. Наоборот, названия рукавиц, возникшие в основном на русской почве (*рукавица*, *перстница*, *голица*, *верхница*, *деяница*, *шубница*, *вязеница*, *водяница*, *плетеница*, *надолонка*, *дубленка*, *кожница*, *исподка* и др.), отличаются значительной семантической организованностью, имеют одинаковую лексическую сочетаемость, проходят одинаковый путь семантической эволюции, составляют свои синонимические ряды и даже антонимические пары типа *верхница* 'верхняя рукавица' – *исподка* 'нижняя рукавица', что редко встречается в группах предметных слов.

9. Для однозначного понимания слова активно используется контекст, в частности, тождесловы – слова той же лексико-семантической или тематической группы: родовые наименования или названия, представляющие разные стороны и качества описываемой вещи. Писец

¹⁸ Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века: археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса : сб. ст. М. : JL, 1951. 252 с.

¹⁹ Судаков Г.В. В чем носили деньги древние русичи? // Русская речь. 1984. № 2. С. 99–104.

– создатель текста использовал синонимические наименования (однословные и составные) внутри одного и того же текста, в том же или следующем предложении: «жили во дворе *в детех* наемные казаки Богдашко да Антонко... наимовали во двор в *детеньши* Ивашка» (1607 г., Тотьма, кн. пр.-расх. – ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 6, л. 48 об.); «и как мы будем у *коровья двorca*, и те люди проводили нас в *Ывановской монастырь*... нас проводил от *коровни* в *Ывановской монастырь*» (1636 г., В. Устюг. явка – АХУ – 3, с. 193); «лежал в *сторожке* без памяти... Фаддеико к нему монаху для посещения в *сторожню* приходил... Иеромонах Герман постригал ево Макария в городе Каргополе в тюремной *сторожевой избе*» (1690 г., Каргополь, допрос – Олонецк. сб. – 3, с. 120).

Подобные случаи свидетельствуют о стремлении писца и к более точному обозначению реалии, и к разнообразию языковых средств. Приведем пример сознательной рефлексии писца по поводу слов *сенник* – *потклет* в Домострое при описании свадебного чина: «И как время приспее, пошлют от тестя к жениху старшего слугу сказать, что друшка и сваха едут с постелею, велите оуказати *сенникъ*, и к которому месту приехати, а *по обычному потклетъ*»; «и как приедут на дворъ и идут *в сенникъ а по простому в потклет*» (XVII в., Домострой – Заб., с. 172, 183). Здесь *сенник* оценивается как слово высокое, соответствующее значимости свадебного обряда, а *потклет* – обычное, простое, разговорное.

Изучение семантических особенностей предметно-бытовых слов после традиционного описания отдельных групп в синхронном и диахронном планах может осуществляться с помощью сравнительно-сопоставительного анализа двух или более лексико-семантических и тематических групп с учетом следующих критериев: степень аналитичности (число мотивированных и немотивированных слов), соотношение родовых и видовых слов, способность к номенклатурному дроблению, степень синонимичности (отдельно – для родовых и видовых слов), контекстуальная закреплённость значений и т.д. Эти критерии проверяются с помощью формальных операций и поддаются текстовому описанию.

Оценим результаты их применения к старорусской предметно-бытовой лексике, приведенные в обобщающей табл. 1.

Таблица 1

Состав старорусской предметно-бытовой лексики

Лексические группы	Родовые/ видовые, %	Мотивировочные признаки, %	Мотивир./ немотивир., %
Общие названия одежды	40/60	действие – 57; материал – 18; кусок ткани – 16; цвет – 9	55/45
Общие названия посуды	91/9	материал – 54; действие – 36; технология – 10	90/10
Названия длинной одежды	18/82	технология – 90; материал 10	80/20
Названия короткой одежды	0/100	технология – 90; материал 10	37/53
Названия меховой одежды	5/95	действие – 46; материал; функция – по 18; цвет; деталь – по 9	61/39
Названия рабочей одежды	12/82	материал – 60; цвет; технология – по 20	68/32
Названия столовой посуды	0/100	содержимое – 54; действие; форма – по 18; деталь – 7; объем – 3	75/25
Названия кухонной посуды	0/100	действие, функция – 60; содержимое – 16; объем; форма – по 8; технология и пр. – 8	66/34

При вычислении процентного соотношения среди мотивированных названий не учитывались диминутивы, с учетом их число мотивированных названий заметно возрастет. Среди родовых названий есть такие, которые в отдельных значениях имеют видовой характер, они учитывались дважды: как родовые и как видовые.

Анализ показывает значительное преобладание в составе старорусской предметно-бытовой лексики мотивированных названий исконного, то есть славянского и русского, происхождения. Исключение составляют названия верхней короткополой одежды, заимствованные в русский язык

вслед за реалиями лишь в конце XVII – начале XVIII века (ср. исконные *душегрея, нагрудник, безрукавка*, заимствованные *кошуля, кошуха, курта, куртка, куртишка, курдя, бострог, кунтуш*). По ряду мотивировочных признаков названия одежды обособляются от названий утвари («действие, которое производится с помощью одежды по отношению к определенной части тела», «цвет», «характерная деталь одежды»). В свою очередь при номинации предметов утвари заметное место занимают признаки: «особенности технологии изготовления предмета», «объем», «форма». Общее и довольно распространенное мотивировочное свойство у слов этих тематических сфер – «материал».

Большое развитие в отмеченных лексических группах получили слова с видовыми значениями, в отдельных случаях даже родовые названия обозначают конкретный вид одежды, посуды и т.д. Наблюдается специфика в способах пополнения родовых наименований в зависимости от жанрово-стилевой сферы употребления: в деловой письменности – составные наименования позднего происхождения, в книжной речи – слова, утрачивающие денотативную опору в предмете в связи с выходом его из бытового употребления и выражающие в условно-обобщенном виде идею «одежда», «посуда», «постройка». Иногда на первом этапе формирования однословного родового наименования оно функционирует как собирательное существительное, ср. *посудье* – около 1571 года, *посуда* – с 1599 года: «воду новую так отведаешь, будет здоровая или нездоровая, покропи ею *посудие* какое оловяное или медное» (Назиратель, с. 179); «и *посуда* де всякая его Первушина была на том его дворе» (1599 г., чел. – Рус.-кавк., с. 326). Особенно активно слово *посудье* употреблялось в первой половине XVII века, выступая как синоним к слову «суды». Лексема *посуда* до середины XVII века применялось редко, активизация этого наименования началась с 50-х годов XVII века, оно вытеснило слово *посудье* и заметно ограничило использование формы *суды* (мн. ч.).

Обращает на себя внимание относительная недостаточность числа родовых слов, а также их слишком общая, недифференцированная семантика. Например, в древнерусский период названия головных уборов определенно входили в одну группу с названиями одежды, лингвистическое размежевание слов по более мелким группам отставало от уже осознаваемого распределения разных типов одежды, поэтому родовых слов *одежда, платье* и пр. было вполне достаточно для обозначения одежды, головных уборов, передников и т.д. Выделение названий головных уборов в особое лексическое объединение намечается в старорусский период, здесь функции родового слова на некоторое время было вынуждено взять на себя слово *шапка*, но уже в XVIII веке появляется составное наименование *головной убор*. Первопричиной наличия или отсутствия родовых слов, на наш взгляд, является степень развития дифференцирующей способности лингвистического сознания у этноса, пользующегося данным языком. Так же обстоит дело в лексике посуды и названиях бытовых вместилищ. Здесь в древнерусский период было лишь одно родовое наименование *судъ*, с конца XVI века появляется *посуда*; в древнерусский период начинают формироваться родовые названия для отдельных групп посуды по материалу: *скляница, плетеница* и др., общие названия посуды с учетом функции (столовая, поваренная, кухонная) формируются в национальный период, а в ряде недостаточно отграниченных лексических групп по причине многофункциональности реалий не оформились и в настоящее время.

Семантические особенности предметно-бытовой лексики определяют такую особенность ее употребления в речи, как избыточность лексических средств за счет одновременного употребления родового или одного-двух видовых слов или двух видовых одновременно: *рукавицы дубленицы, ковш кленовик, рукавицы верхницы вязаницы*. Причиной такого употребления является стремление к всестороннему и точному обозначению-характеристике реалии в целях более эффективного общения. Используемые при этом названия имеют яркую, образную форму, подчеркивающую один признак реалии и затемняющую все остальные ее свойства, поэтому появляется необходимость в дополнительных наименованиях, с других сторон характеризующих предмет.

Сравнение способности разных групп лексики к номенклатурному дроблению показывает заметную распространенность этой черты у конкретных названий по сравнению с родовыми, сравните названия разновидностей шуб: *одеяло, одевальница, гусарка, солдатка*, названия котлов: *тройчаток, кашник, квасник, медник, коноб* и др., известные по русским текстам XVI–XVII веков. Еще богаче эти группы в разговорной речи и диалектах национального периода.

Сравнение степени и областей синонимического варьирования обнаруживает значительную развитость синонимии родовых названий, причем преимущественно в сфере книжной письменности

(см. подробнее ²⁰), вместе с тем это свидетельствует о сильной контекстной обусловленности семантики родовых названий предметно-бытового характера.

Представляется перспективным сравнительно-сопоставительное изучение разных групп предметно-бытовой лексики и по таким критериям, как модели семантической деривации или типы полисемии, уровень диффузности семантики слов и т.п. Далее следует провести типологическое сопоставление фреймов в разных функциональных разновидностях русского языка: письменной литературной речи и диалектах, исследовать эволюцию лексического состава с учетом его деривационного потенциала и территориальной дифференциации. В результате может быть создана типология лексических групп русского языка, установлена степень их изменчивости, определены факторы и причины этой изменчивости.

Выводы. основополагающим для лексической типологии является принцип выявления лексико-семантических и структурных сходств и различий. На основе описания отдельных тематических и лексико-семантических групп составляется перечень критериев (параметров), предлагаемых для типологических классификаций лексики. Апробированные нами списки критериев включают следующие (список не является конечным): 1) соотношение родовых и видовых слов в каждой группе; 2) типы полисемии или модели семантической деривации; 3) число мотивированных и немотивированных слов; 4) степень синонимичности и антонимичности (отдельно – для родовых и видовых слов) в каждой группе; 5) степень контекстуальной закреплённости значений для отдельных слов группы; 6) уровень диффузности значений лексем для каждой группы; 7) количественная характеристика группы; 8) соотношение нейтральной и стилистически маркированной лексики в составе группы; 9) учет продуктивности различных морфем и словообразовательных моделей в разных группах; 10) способность различных слов и групп к фразеобразованию и т.д.

Следующий шаг – отбор лексических групп для типологического анализа. Предпочтительнее сосредоточиться на лексических группах, характеризующихся подвижностью количественного состава, лексико-семантических и стилистических качеств: лексика сферы сельского хозяйства и быта, названия лиц и предметов по разным признакам, административно-юридические названия, народная терминология, слова, характеризующие духовную сферу человека, этикетные выражения и формулы и т.д.

Проведение собственно типологического исследования состоит в сопоставлении лексико-семантических групп по сформулированному перечню критериев, выявлении сходств и различий и составлении типологии лексических групп. Интерес представляет и анализ типологических качеств одной и той же группы в разные исторические периоды, выявление таким образом исторических тенденций и направлений развития лексической системы русского языка.

Учет функциональных свойств лексики позволит определить основные тенденции развития лексических групп и причины, которые привели к формированию современной системы номинации как наиболее оптимальной, соответствующей коммуникативно-прагматическим требованиям времени, контекстом речи и характером общения. При описании исторической лексики требуется разграничение социальных функций отдельных лексических групп, семантических и референциальных функций, а также системно-языковых функций, связанных с отношениями и зависимостями лексических единиц разных множеств.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

1. АХУ – Акты Холмогорской и Устюжской епархий [Текст]. – СПб., 1890, 1894, 1908 (РИБ. – Т. 12, 14, 25). – Ч. I–III.
2. ВОКМ – Вологодский областной краеведческий музей.
3. ГАВО – Государственный архив Вологодской области.
4. Даль – Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст]. – М.: Русский язык, 1978–1980. – Т. I–IV.
5. Домострой. Заб. – Временник Общества истории и древностей российских [Текст]. – 1850. – Кн. 6.
6. Заб. Дом быт – Забелин, И. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. [Текст]. – М., 1895–1915. – Ч. 1–2.

---

²⁰ Судаков Г.В. История русского слова. Вологда, 2015. С. 163–196.

7. КДРС – Картотека Словаря древнерусского языка (Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН, Москва).
8. Кн. расх. Никона – Расходная книга митрополита Новгородского Никона во время его поездки в Москву и в Соловецкий монастырь в 1652 г. [Текст] // ВОИДР. – 1852. – Кн. XIII. – Разд. II. – С. 1–62.
9. МАС (2) – Словарь русского языка [Текст] : в 4 т. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Наука, 1981–1984. – Т. 1–4.
10. Назиратель – Назиратель [Текст]. – М. : Наука, 1973.
11. Олонецк. сб. – Олонецкий сборник [Текст]. – Петрозаводск, 1901. – Вып. 3.
12. Посольство Тюфякина – Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией [Текст] : в 3 т. – СПб., 1890. – Т. 1. – С. 430–453.
13. РИБ – Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией [Текст]. – СПб. ; Л., 1872–1927. – Т. 1–40.
14. Рус.-бел. связи – Русско-белорусские связи [Текст] : сб. док. (1570–1667 гг.). – Минск, 1963.
15. Рус.-бел. связи – Русско-белорусские связи во второй половине XVII в. [Текст] : сб. док. – Минск, 1972.
16. Рус.-кавказ. – Белокуров, С.А. Сношения России с Кавказом [Текст]. – М., 1889. – Вып. 1 : 1578–1613.
17. Рус.-швед. отн. – Русско-шведские экономические отношения в XVII в. [Текст] : сб. док. – М. ; Л., 1960.
18. СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. [Текст]. – М. : Наука, 1975. – Вып. 1 (издание продолжается).
19. СРНГ – Словарь русских народных говоров [Текст]. – М. ; Л. : Наука, 1965. – Вып. 1 (издание продолжается).
20. ТОДРЛ – Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом).
21. Фасмер – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка [Текст]. – М. : Прогресс, 1964–1973. – Т. I–IV.
22. Фенне – Tonies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian Pskov 1607 [Text]. – Copenhagen, 1970. – Vol. 2.
23. ЭСРЯ – Этимологический словарь русского языка [Текст] / под ред. Н.М. Шанского. – М. : МГУ, 1963–1982. – Вып. 1–8.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винокур, Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии [Текст] // Труды Московского института истории, философии и литературы. Филологический факультет. – Т. V : сб. ст. по языковедению. – М., 1939. – С. 3–54.
2. Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в.: археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса [Текст] : сб. ст. – М. ; Л. : Изд-во Главсевморпути, 1951. – 252 с.
3. Колчин, Б.А. Новгородские древности. Деревянные изделия [Текст]. – М. : Наука, 1968. – 183 с.
4. Круглякова, В.А. Глаголы вращения: лексическая типология [Текст] / В.А. Круглякова, Е.В. Рахилина // Труды междунар. конф. «Диалог 2010». – М., 2010. – С. 241–247.
5. Круглякова, В.А. Семантика глаголов вращения в типологической перспективе [Текст] : автореф. – М. : МГУ, 2010. – 24 с.
6. Кутина, Л.Л. Формирование языка русской науки [Текст]. – Л. : Наука, 1964. – 219 с.
7. Лабов, У. Структура денотативных значений [Текст] // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 14 : Проблемы и методы лексикографии. – М. : Изд-во иностр. лит., 1983. – С. 133–176.
8. Проблемы количественной лексикологии славянских языков [Текст] / А.А. Кретов [и др.] // Вопросы языкознания. – 2011. – № 1. – С. 52–65.
9. Проблемы лексико-семантической типологии [Текст] : сб. науч. тр. / под ред. А.А. Кретова. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2011. – Вып. 1. – 300 с.
10. Рахилина, Е.В. Фреймовый подход к лексической типологии [Текст] / Е.В. Рахилина, Т.И. Резникова // Вопросы языкознания. – 2013. – № 2. – С. 3–31.
11. Сороколетов, Ф.П. Лексическое значение и словарная дефиниция [Текст] // Исследования по исторической семантике. – Калининград : Изд-во КГУ, 1980. – С. 3–13.
12. Судаков, Г.В. В чем носили деньги древние русичи? [Текст] // Русская речь. – 1984. – № 2. – С. 99–104.
13. Судаков, Г.В. История русского слова [Текст]. – Вологда : Изд-во ВоГУ, 2015. – 360 с.
14. Супрун, А.К. Лексическая типология славянских языков [Текст]. – Минск : Изд-во Ин-та мовознавства АН БССР. – 1983. – 46 с.
15. Толстая, С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе [Текст]. – М. : Наука, 2008. – 527 с.

16. Толстой, Н.И. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава [Текст] // Толстой Н.И. Избранные труды : в 2 т. – Т. 1 : Славянская лексикология и семасиология. – М. : Наука, 1997. – С. 44–101 (первоначально: // Вопросы языкознания (ВЯ). – 1963. – № 1 ; 1966. – № 5).
17. Филин, Ф.П. Очерки по теории языкознания [Текст]. – М., 1982. – 336 с.
18. Филлмор, Ч.Дж. Об организации семантической информации в словаре [Текст] // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XIV : Проблемы и методы лексикографии. – М. : Изд-во иностр. лит., 1983. – С. 23–60.
19. Цейтлин, Р.М. Сравнительная лексикология славянских языков X/XI–XIV/XV веков. Проблемы и методы [Текст]. – М. : Наука, 1996. – 232 с.
20. Шмелев, Д.И. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка) [Текст]. – М. : Наука, 1973. – 280 с.
21. Этерлей, Е.Н. Об этнографизмах и их месте в диалектном словаре [Текст] // Диалектная лексика : сб. ст. – Л. : Наука, 1976. – С. 13–25.

REFERENCES

1. Vinokur, G.O. O nekotoryh javlenijah slovoobrazovanija v russkoj tehničeskoj terminologii [Text] // Trudy Moskovskogo instituta istorii, filosofii i literatury. Filologičeskij fakul'tet. – T. V : sb. st. po jazykovedeniju. – M., 1939. – S. 3–54.
2. Istoricheskij pamjatnik russkogo arktičeskogo moreplavanija XVII v.: arheologičeskie nahodki na ostrove Faddeja i na beregu zaliva Simsa [Text] : sb. st. – M. ; L. : Izd-vo Glavsevmorputi, 1951. – 252 s.
3. Kolchin, B.A. Novgorodskie drevnosti. Derevjannye izdelija [Text]. – M. : Nauka, 1968. – 183 s.
4. Krugljakova, V.A. Glagoly vrasčeniya: leksičeskaja tipologija [Text] / V.A. Krugljakova, E.V. Rahilina // Trudy mezhdunar. konf. "Dialog 2010". – M., 2010. – S. 241–247.
5. Krugljakova, V.A. Semantika glagolov vrasčeniya v tipologičeskoj perspektive [Text] : avtoref. – M. : MGU, 2010. – 24 s.
6. Kutina, L.L. Formirovanie jazyka russkoj nauki [Text]. – L. : Nauka, 1964. – 219 s.
7. Labov, U. Struktura denotativnyh znachenij [Text] // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. – Vyp. 14 : Problemy i metody leksikografii. – M. : Izd-vo inostr. lit., 1983. – S. 133–176.
8. Problemy kvantitativnoj leksikologii slavjanskijh jazykov [Text] / A.A. Kretov [i dr.] // Voprosy jazykoznanija. – 2011. – N 1. – S. 52–65.
9. Problemy leksiko-semantičeskoj tipologii [Text] : sb. nauch. tr. / pod red. A.A. Kretova. – Voronezh : Izd-vo VGU, 2011. – Vyp. 1. – 300 s.
10. Rahilina, E.V. Frejmovyj podhod k leksičeskoj tipologii [Text] / E.V. Rahilina, T.I. Reznikova // Voprosy jazykoznanija. – 2013. – N 2. – S. 3–31.
11. Sorokoletov, F.P. Leksičeskoe znachenie i slovarnaja definitsija [Text] // Issledovanija po istoričeskoj semantike. – Kaliningrad : Izd-vo KGU, 1980. – S. 3–13.
12. Sudakov, G.V. V čem nosili den'gi drevnie rusichi? [Text] // Russkaja rech'. – 1984. – N 2. – S. 99–104.
13. Sudakov, G.V. Istorija russkogo slova [Text]. – Vologda : Izd-vo VoGU, 2015. – 360 s.
14. Suprun, A.K. Leksičeskaja tipologija slavjanskijh jazykov [Text]. – Minsk : Izd-vo In-ta movoznavstva AN BSSR. – 1983. – 46 s.
15. Tolstaja, S.M. Prostranstvo slova. Leksičeskaja semantika v obsčeslavjanskoj perspektive [Text]. – M. : Nauka, 2008. – 527 s.
16. Tolstoj, N.I. Iz opytov tipologičeskogo issledovanija slavjanskogo slovarnogo sostava [Text] // Tolstoj N.I. Izbrannye trudy : v 2 t. – T. 1 : Slavjanskaja leksikologija i semasiologija. – M. : Nauka, 1997. – S. 44–101 (pervonachal'no: // Voprosy jazykoznanija (VJa). – 1963. – N 1 ; 1966. – N 5).
17. Filin, F.P. Očerki po teorii jazykoznanija [Text]. – M., 1982. – 336 s.
18. Fillmor, Ch.Dzh. Ob organizatsii semantičeskoj informatsii v slovare [Text] // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. – Vyp. XIV : Problemy i metody leksikografii. – M. : Izd-vo inostr. lit., 1983. – S. 23–60.
19. Tsejtin, R.M. Sravnitel'naja leksikologija slavjanskijh jazykov X/XI–XIV/XV vekov. Problemy i metody [Text]. – M. : Nauka, 1996. – 232 s.
20. Shmelev, D.I. Problemy semantičeskogo analiza leksiki (na materiale russkogo jazyka) [Text]. – M. : Nauka, 1973. – 280 s.
21. Eterlej, E.N. Ob etnografizmah i ih meste v dialektnom slovare [Text] // Dialektnaja leksika : sb. st. – L. : Nauka, 1976. – S. 13–25.

G.V. Sudakov

THE TYPOLOGY OF LEXICAL GROUPS OF THE RUSSIAN LANGUAGE

The research focuses on the typology of lexical-semantic groups within one language. The author analyzes the evolution of lexical-semantic groups in different time periods from the 16th to the 20th centuries. A typological research has never been conducted within one language on a diachronic plane. The author investigates the evolution of one lexical-semantic group within different stylistic strata (literary vocabulary, dialectal vocabulary, colloquial vocabulary) and the evolution of different lexical-semantic groups within one stratum. The typological analysis of everyday vocabulary allows the author to investigate the inclusion of words in dictionaries, the development of lexical and phraseological units, vocabulary functions in different territorial and functional varieties of the Russian language.

Russian language, language evolution, lexicology and phraseology, lexical group, lexical typology, functional style, national mentality, speech etiquette.